

Тянь Ци вышла из дворца Янсинь и мелкой рысцой направилась обратно во дворец Цяньцин. Вскоре ей показалось, что и там небезопасно, поэтому она выбежала наружу и принялась слоняться по закоулкам задних покоев. Теперь она была напугана до крайности: куда бы она ни пошла, всюду чудилась опасность. Император в любой момент мог снова схватить её, чтобы «попугать», и тогда она точно отдаст богу душу от страха.

Вспомнив леденящий взгляд, которым одарил её государь, Тянь Ци охватила дрожь. Она была уверена: какова бы ни была причина, император не просто хотел её припугнуть — он действительно вознамерился лишить её жизни.

Но почему он хочет её убить? Согласно тому, что Тянь Ци успела понять за эти дни, хотя император и был мелочным и психически неуравновешенным, он не был злодеем, готовым губить людей без счёта. Среди венценосных особ его ещё можно было назвать милосердным. Если не случалось чего-то из ряда вон выходящего, он обычно не прибегал к смертной казни. Тем более странно, что он лично вызвал её во дворец Янсинь, чтобы собственноручно с ней расправиться!

Тянь Ци почесала затылок, размышляя: неужели то, что она вчера сотворила, вскрылось?

Не должно быть. Она позаботилась о том, чтобы не оставить никаких следов.

Однако, как ни крути, это был единственный поступок за последние дни, который мог навлечь на неё смертную казнь.

Тянь Ци принялась тщательно восстанавливать в памяти ход своего «преступления».

Сначала она нашла Ван Мэна и втайне сговорила с ним создать одно снадобье. Обязанности распределили чётко: Тянь Ци отвечала за замысел, а Ван Мэн — за изготовление.

Это лекарство нельзя было назвать ядом. Его главное действие заключалось в очищении лёгких от жара, оно не имело побочных эффектов и было безопасно даже для беременных. Поскольку это не яд, пульс оставался в норме, можно было лишь заметить признаки избыточного жара в лёгких. Но у этого белого, безвкусного и безвредного на вид шарика был весьма занятный эффект: при выходе жара из лёгких начинал нестерпимо чесаться горло. А из-за силы препарата зуд становился просто мучительным.

Эта стадия длилась два-три дня. Примерно со второго дня зуд сопровождался образованием мокроты. Мокроты! Вы только представьте себе маленькую красавицу, которая без конца кашляет и сплёвывает — зрелище не для слабонервных!

Вчера Тянь Ци подмешала пилюлю в суп, отправленный Вань-пинь. В горячем бульоне она быстро растворилась, не оставив ни осадка, ни следа.

После того случая с сафлором император не жаловал Вань-пинь. Вдовствующая императрица, узнав о её проделках, тоже была не в восторге, но, считая, что выносить наследника непросто, решила сохранить лицо, поэтому Цзи Хэн по её совету не стал отменять поставки супа из императорской кухни в павильон Банановых листьев.

Тянь Ци так сильно обиделась на Вань-пинь, что не нашла иного способа отыграться на этой дуре. В конце концов, вреда здоровью никакого, считай, помогла наложнице поправить самочувствие.

От приёма до начала действия лекарства проходило около двух дней. Это значит, что к тому моменту, как Вань-пинь почувствует неладное, остатки супа будут вылиты, а посуда вымыта.

Идеальный план!

Тянь Ци была уверена, что всё продумала до мелочей. Если что-то и пошло не так, то виноват только этот прохвост Ван Мэн. Либо плохо сделал пиллюлю, либо проболтался.

Но Тянь Ци доверяла медицинским навыкам Ван Мэна, да и порядочность его была более-менее сносной, так что разоблачение маловероятно.

Не найдя ответа, она перестала ломать голову. Послonyaвшись ещё полдня и поиграв с Дай Саньшанем, она дождалась ужина и тихо пробралась обратно во дворец Цяньцин. Мысль о ночном дежурстве вызвала у неё мурашки: кто знает, не сползёт ли император с кровати глубокой ночью, чтобы придушить её?

Тянь Ци, снедаемая тревогой, тайком разыскала Шэн Аньхуа, надеясь, что кто-нибудь её подменит.

Шэн Аньхуа как раз сам искал Тянь Ци. Его лицо выражало нечто более загадочное, чем у неё. Он потянул её за рукав и прошептал:

— Признавайся честно, ты в последнее время не гневila государя?

— Наверное... — пробормотала про себя Тянь Ци. — Он ведь хотел меня придушить, хотя я так и не поняла, за что.

Глядя на понурю Тянь Ци, Шэн Аньхуа наконец всё понял. Раньше он думал, что император перевёл Тянь Ци на другую должность, чтобы повысить, но сегодня государь лично распорядился не допускать её к ночным дежурствам. Теперь всё встало на свои места: Тянь Ци просто провинилась и вызвала недовольство императора.

Раз всё ясно, то и решить проблему легко. Шэн Аньхуа снова отправил Тянь Ци на бездельную должность. Он был доволен, что наконец разгадал замысел императора, а Тянь Ци могла на пару дней спрятаться от государя. Все остались довольны.

Что же касается Цзи Хэна, его чувства нельзя было описать простыми словами. Сердце жаждало видеть Тянь Ци, но разум решительно противился этому. Он заставлял себя не думать о ней, но постоянно ловил себя на обратном. Образ Тянь Ци, дрожащей и роняющей слёзы под его рукой, уже впечатался в его сознание. Стоило Цзи Хэну вспомнить об этом, как его охватывало раскаяние. Он и сам не мог понять: жалеет ли он о том, что так обошёлся с ней, или о том, что не прикончил её на месте?

Но он знал одно: рука у него не поднялась. Дай ему ещё один шанс — он всё равно не сможет этого сделать. Одной мысли о том, что этот человек может умереть, было достаточно, чтобы сердце сжалось от боли.

В разгар этих терзаний пришло донесение из павильона Банановых листьев: у наложницы Вань-пинь начался нестерпимый зуд в горле, пригласили лекаря.

Цзи Хэн и без того был не в духе, а тут ещё Вань-пинь со своими капризами. Он раздражённо бросил:

— Раз вызвали лекаря, пусть лечат. Не нужно больше докладывать мне об этом.

Вернувшись, слуги не посмели передать всё как есть, сказав лишь, что император занят и не может навестить её, поэтому просит наложницу беречь здоровье.

Услышав это, Вань-пинь поняла, что государь, скорее всего, не желает её видеть. Она прикрыла горло рукой и заплакала. Хотела что-то сказать, но не смогла — горло так чесалось, что любой звук причинял нестерпимую боль. Лекарь не смог поставить диагноз, лишь сказал, что это избыток жара в лёгких, и прописал очищающие средства.

Вань-пинь промучилась всю ночь, почти не сомкнув глаз, и наутро выглядела совершенно измождённой. Дважды принятое лекарство не принесло облегчения, зуд становился всё сильнее. Она каталась по кровати, а две её служанки плакали, глядя на это. В пылу страданий Вань-пинь внезапно осенило: зуд слишком неестественный, должно быть, кто-то её отравил.

Первым подозреваемым стала Тянь Ци, ведь в последнее время она враждовала только с ней.

Вань-пинь помчалась во дворец Цяньцин к Цзи Хэну, чтобы пожаловаться. Она не была уверена, что преступница именно Тянь Ци, но поплакать перед императором и вызвать жалость никогда не помешает. Мужчины ведь так легко ведутся на женские слёзы.

Однако Цзи Хэн, которого в последнее время самого мучили «мужчины», на это не купился. К тому же лекарь ясно сказал, что ничего серьёзного, а эта женщина строит из себя жертву, которую хочет известить весь мир. Это вызывало лишь отвращение.

Тянь Ци, услышав, что Вань-пинь пришла во дворец Цяньцин скандалить, захотела посмотреть на представление. Но подойти близко не решилась, а спряталась неподалёку и стала

подслушивать.

Хотя от начала до конца она слышала только жалобы Вань-пинь, а голос императора почти не доносился, Тянь Ци всё равно получила огромное удовольствие и с удовлетворением проводила взглядом уходящую наложницу.

Вань-пинь, чьи глаза покраснели и опухли от слёз, шла, понутив голову. Увидев Тянь Ци, она едва не изрыгнула пламя.

Тянь Ци с улыбкой подошла к ней и поддержала под локоть:

— Идите медленнее, госпожа. Вокруг столько людей, желающих вам зла, будьте осторожнее.

Вань-пинь с силой вырвала руку, не удостоив её ответом.

Тянь Ци нарочно подалась вперёд и прошептала ей на ухо совсем тихо:

— Я сделала это, чтобы показать вам, госпожа, как можно навредить человеку так, чтобы никто ничего не заметил.

Увидев, как лицо Вань-пинь исказилось от ужаса, Тянь Ци весело зашагала прочь. Она не боялась доноса: во-первых, нет доказательств, а во-вторых, по сегодняшнему дню видно, что император больше не любит Вань-пинь, даже тяготится ею, так что жаловаться бесполезно. Чем больше она думала, тем радостнее ей становилось. Напевая под нос и заложив руки за спину, она собралась уходить, но, обернувшись, увидела, что государь стоит в дверях и смотрит прямо на неё.

Его лицо было каменным, непроницаемым.

Сердце Тянь Ци дрогнуло, и она, забыв о достоинстве, бросилась наутёк, скрываясь с глаз императора так быстро, как только могла.

Цзи Хэн смотрел на её спотыкающуюся от спешки фигуру, чувствуя, как в груди нарастает тоска и разочарование. Он опустил глаза, насмешливо улыбнулся самому себе и повернулся, чтобы вернуться в покои.

Тянь Ци всё утро бездельничала в служебном помещении, а после обеда снова отправилась в город развлекаться. Хотя она и была в опале, должность инспектора народных нравов оставалась за ней, и лишить её этого права мог только император. Шэн Аньхуай не собирался лезть с подобными вопросами, поэтому Тянь Ци, несмотря на своё положение, всё ещё могла покидать дворец.

Она так устала от дворцовой жизни, что решила как следует оторваться. Сначала она встретилась с Цзи Чжэном в меняльной лавке — хотя денег на хранение у неё не было, это

место стало их постоянной точкой сбора. Цзи Чжэн со дня того гнева императора не видел Тянь Ци. Он очень переживал за него, наводил справки через людей и, узнав, что тот в порядке, немного успокоился.

Но Цзи Чжэна не покидало ощущение, что гнев его императорского брата в тот день был ненормальным. У него возникла дерзкая догадка, и он решил прощупать почву:

— Как ты думаешь, почему брат так разозлился?

Тянь Ци ответила:

— Ваше Высочество, именно об этом я и хотел вам сказать. Государь, вероятно, подозревает, что вы испытываете влечение к мужчинам и позорите род. Он всё время думает, что я пытаюсь вас соблазнить. Поэтому, ваше предложение дать мне приют — я ценю вашу доброту, но ради собственной головы не могу принять.

— Тянь Ци, когда вокруг никого нет, зови меня по имени. Все эти «Ваше Высочество» звучат слишком холодно.

Это уже явное нарушение субординации.

Цзи Чжэн, видя её нерешительность, убеждал:

— Я приказываю тебе. Если не будешь слушаться, разве это не нарушение субординации?

Тянь Ци пришлось кивнуть:

— Хорошо... А-Чжэн.

Цзи Чжэн удовлетворённо кивнул, легко похлопал Тянь Ци по голове, а затем его рука скользнула вниз и ущипнула её за щёку. Цзи Чжэн был доволен собой: ощутив под пальцами упругую и гладкую кожу, он с улыбкой смотрел на Тянь Ци.

Это что... домогательства? Тянь Ци прикрыла лицо и подозрительно посмотрела на Цзи Чжэна:

— Ваше Высочество, вы ведь не на самом деле... ну, любитель мужчин? — она ведь сейчас евнух.

— Нет, — отрезал Цзи Чжэн, а затем спросил: — Как император относится к тебе в последнее время? Он... не делал с тобой ничего странного?

— Делал, и ещё как! — стоило заговорить об этом, как Тянь Ци тут же приняла вид обиженного, с глазами, полными слёз.

Цзи Чжэн похолодел:

— Он действительно так с тобой поступил?

— Да, смотрите, — Тянь Ци развязала тонкий шарф на шее. — Он хотел меня задушить!

— ...

Тянь Ци недовольно посмотрела на него:

— Что это за выражение лица? Злорадство?

— Нет, — Цзи Чжэн смутился, но он действительно почувствовал облегчение. Он пододвинулся ближе, чтобы рассмотреть отметины: на белоснежной шее красовались два пугающих синяка. Зрелище вызывало острую жалость.

Цзи Чжэн не удержался и коснулся ушибленного места, нахмурившись:

— Больно?

— Терпимо, сейчас уже почти не болит. — Тянь Ци редко встречала такую заботу, и сейчас это было ей приятно. Пальцы Цзи Чжэна, сухие и нежные, касались кожи на шее, вызывая странные ощущения, и она с удовольствием прищурилась.

Нет-нет, мужчина и женщина не должны касаться друг друга. Тянь Ци внезапно осознала это и попыталась отстраниться.

Но Цзи Чжэн рассмеялся:

— Я подую, и сразу пройдёт. — Сказав это, он действительно склонил голову, уткнувшись лицом в шею Тянь Ци. Его губы почти касались кожи, он дунул несколько раз. Влажное, тёплое дыхание на шее вызвало странную дрожь.

Первой реакцией Тянь Ци было: Ваше Высочество, вы можете быть хоть капельку серьезнее? Но в этот раз она не отпрянула, а почувствовала, как к горлу подкатил комок. Потерев нос, она сказала:

— Знаете, у меня есть младший брат, почти такой же, как вы.

Цзи Чжэн, с трудом подавив желание поцеловать её, наконец поднял голову и улыбнулся:

— Вот как? А я не хочу быть твоим братом.

— Простите, Ваше Высочество, я была бестактна. Я не это имела в виду.

— Зови меня А-Чжэн.

— А-Чжэн...

Цзи Чжэн кивнул. Он подумал: не сдержишь малого — нарушишь великие планы. Сейчас нужно любой ценой придумать, как заставить брата отпустить её.

Цзи Чжэн повёл Тянь Ци в ресторан.

Чжэн Шаофэн тоже был там. В этот раз он не играл в азартные игры, а пил вино и болтал с группой книжников. Учёные мужи пили и ели сдержанно, Чжэн Шаофэн, хоть и не привык к такому, боялся прослыть невеждой, поэтому старался казаться утончённым. Все знали, какой властный у него отец, поэтому никто не смел над ним смеяться.

Но сам Чжэн Шаофэн чувствовал себя не в своей тарелке. Увидев Цзи Чжэна и Тянь Ци, он обрадовался, как родным, и потянул их сесть рядом, выгнав двух сидевших там учёных, которые не посмели возразить. Тянь Ци, заметив, что Чжэн Шаофэн снова хочет обнять её за плечи, нахмурилась и отстранилась. Чжэн Шаофэн лишь рассмеялся, не придав этому значения. Цзи Чжэн, не выдержав, сел между ними, отделив Чжэн Шаофэна от Тянь Ци.

Книжники были высокомерны: места за столом распределялись по литературной славе, а не по знатности. Про Чжэн Шаофэна и говорить нечего, а Цзи Чжэн был знаменит лишь своим лицом, в поэтических собраниях не участвовал, поэтому литературной славы не имел. Что же до Тянь Ци, её здесь почти никто не знал.

Но все трое были очень хороши собой, намного выше среднего уровня, и вместе смотрелись весьма примечательно.

Тянь Ци окинула взглядом толпу: лица были в основном незнакомые, кроме одного человека, который сейчас недоброжелательно пялился на неё.

Это был Сунь Фань. Встретив его взгляд, Тянь Ци улыбнулась, отчего тот пришёл в ещё большую ярость.

Помимо Сунь Фаня, на собрании присутствовал сын Тан Жолина, Тан Тяньюань. Его место было ближе к главе стола. Он был старше Тянь Ци на год, известный талант, который по какой-то причине пропустил прошлый экзамен и участвовал только в этом году. Тем не менее, сверстники были далеко позади него.

Тянь Ци не интересовалась талантами. Она отпила чаю и заметила, что Чжэн Шаофэн через Цзи Чжэна дёргает её за рукав. Пришлось повернуться.

Чжэн Шаофэн спросил:

— Где моя Лин-эр? — он был в чёрной шапочке с розовой каймой, выглядел вызывающе, в руках вертел веер с золотым напылением. Совсем не как учёный, скорее как разбойник из оперы.

Тянь Ци редко видела, чтобы такой дорогой веер использовали столь нелепо. Она прикрыла рот, стараясь не рассмеяться, и ответила:

— Я как раз хотела сказать: если не сдашь экзамен на степень цзюйжэня, в жизни не увидишь Лин-эр. Я выщиплю из неё перья, зажарю и съем, а из белого пуха сделаю шапку, чтобы зимой греться.

Это было возмутительно! Чжэн Шаофэн засуетился, схватил Цзи Чжэна за рукав:

— Урезонь свою драгоценную!

Эти слова разлились по телу Цзи Чжэна как целебная влага из сосуда бодхисаттвы. Он потрепал Тянь Ци по голове и мягко улыбнулся:

— Не балуйся.

Тянь Ци: «...» Странное чувство. Хотя мужчина и женщина не должны касаться друг друга, но считается ли общение мужчины и «мужчины» переходом границ? Она не очень понимала, а князь сказал, что он не любитель мужчин... Тянь Ци побоялась реагировать слишком остро, чтобы не выдать себя, и лишь тихо кашлянула:

— Что вы имеете в виду? Почему это я «его драгоценная»?

Чжэн Шаофэн хотел было ответить, но Цзи Чжэн заткнул ему рот чашкой вина:

— Именно так. Перестань болтать ерунду, иначе я не смогу тебе помочь.

Чжэн Шаофэн торопливо закивал, выпил вино, а выражение его лица стало ещё более двусмысленным.

Пока их троица шутила и смеялась, старшие за столом начали любимое занятие книжников: сочинение парных строк.

Сочинять их умели даже дети, но делать это экспромтом, быстро и складно — задача не из лёгких. Тянь Ци, которой надоело слушать Чжэн Шаофэна, прислушалась к разговору. Услышав о состязании, она тоже загорелась желанием проверить мастерство собравшихся.

Хозяин собрания по фамилии Е, доктор Гоцзыцзяня, предложил строку:

— Это я придумал вчера, сказал ученикам, но они ответили неудачно. Может, среди вас найдутся умельцы... «Перед беседкой цветы впервые расцвели». Как вам?

Пока остальные хмурились в раздумьях, Тан Тяньюань воодушевлённо произнёс:

— «Под навесом господин Лист». Как?

— Хорошо, хорошо, хорошо! — трижды повторил доктор Е, и все остальные захвалили. Талант Тан Тяньюаня был вполне оправдан.

Тянь Ци тоже кивнула. Некоторые строки кажутся простыми, а на деле их труднее всего подобрать складно.

Теперь очередь загадывать строку была за Тан Тяньюанем. Он не любил вычурности. Посмотрев в окно, он увидел напротив магазин тканей, где приказчик как раз переносил рулоны внутрь, и сказал:

— «Один кусок небесно-голубого атласа».

Тянь Ци как раз наливала чай в чашку Цзи Чжэна. Услышав это, её осенило, и она выпалила:

— «Шесть вкусов пилюль Дихуан».

Все взгляды обратились к ней. Сама по себе строка казалась простой, но в сочетании с первой она была безупречна — изящно и в то же время понятно, высшее проявление народной мудрости.

Тан Тяньюань, полный восхищения, сложил руки:

— Высокий талант, брат. Позвольте узнать ваше имя?

Тянь Ци, видя его вежливость, ответила тем же:

— Не стоит, не стоит. Я родом из Сучжоу, Тянь Вэньхао.

Чжэн Шаофэн, услышав это имя, скрипнул зубами и прошептал Цзи Чжэну:

— Бесстыдство.

Цзи Чжэн не обратил на него внимания, лишь с улыбкой смотрел на Тянь Ци.

Тан Тяньюань и доктор Е снова похвалили её.

Тянь Ци ответила:

— Честно говоря, я почти не училась. Просто пару дней назад видела, как кто-то принимал это лекарство, вот и вспомнила.

Чжэн Шаофэн, услышав это, захихикал и нарочно толкнул Цзи Чжэна:

— Эй, а чего ты пьёшь пилюли Дихуан? Если с почками беда, побереги себя, ты ведь ещё так молод. — Пилюли Дихуан как раз были средством для укрепления почек.

Цзи Чжэн хотел было возразить, но не стал оправдываться, лишь слегка покраснел:

— Перестань болтать ерунду.

Теперь очередь загадывать была за Тянь Ци. Она хотела сказать что-то первое попавшееся, но её опередил Сунь Фань. Более того, он решил устроить личный поединок с Тянь Ци.

Со времен того случая с «голым забегом» Сунь Фань мечтал отыграться, и этот шанс был идеальным. Он знал, что Тянь Ци — всего лишь евнух, в голове у которого не может быть много знаний. Услышав её ответ и увидев, что её строки не так уж хороши, он решил, что она просто хитрит, и вознамерился выставить её на посмеище, чтобы она больше не смела называть себя «мастером слова».

Тянь Ци усмехнулась. У неё как раз было паршивое настроение, и она была рада выместить зло на ком-нибудь.

Они начали обмениваться колкостями. Цзи Чжэн сначала переживал за Тянь Ци, но потом его охватило изумление: откуда у евнуха такие познания?

Строки становились всё сложнее, присутствующие начали восхищённо гудеть. Наконец Тянь Ци вздохнула, сделала виноватое лицо и сказала:

— Господа таланты, вы не знаете. Я действительно почти не училась. Все эти строки я вычитала из одной книги. Не ожидал, что господин Сунь тоже знает их наизусть, поэтому мы и соревнуемся. Но подбирать чужие слова, чтобы прославиться, — это недостойно. Давайте на этом закончим. Если господин Сунь не удовлетворён, я признаю поражение. Что скажете?

Эти слова, словно нож, полоснули по лицу Сунь Фаня, которое стало багровым.

— Ты...! — Сунь Фань чуть не захлебнулся яростью. — Наглая ложь!

Хотя Тянь Ци действительно лгала, все присутствующие, кроме самого Сунь Фаня, ей поверили. В самом деле, отец Сунь Фаня — министр обрядов, второй человек в кабинете, кто из молодых посмеет подставить его репутацию? Даже если бы хватило смелости, в этом нет необходимости, к тому же признаваться в плагиате...

Подумав об этом, люди посмотрели на Сунь Фаня со смесью жалости и презрения. Подумать только, у такого уважаемого человека, как Сунь Цунжуй, вырос такой тщеславный сын...

Сунь Фань был готов провалиться сквозь землю, не зная, как оправдаться. Он понял, что снова угодил в ловушку. Указывая пальцем на Тянь Ци, он прорычал:

— Ты... ты... жди у меня.

Тянь Ци рассмеялась:

— Снова «жди у меня»? В прошлый раз, когда ты голым бежал из ресторана «Пьяный бессмертный», ты тоже говорил «жди у меня», и я ждала уже столько дней.

Упоминание старой истории вызвало у присутствующих ещё большее презрение. Точно, этот парень ведь бегал голым, какой позор. Какое же несчастье для господина Суня иметь такого сына.

Круг книжников был очень сплетничным. Если они разнесут эту историю, репутация Сунь Фаня будет окончательно испорчена.

Тянь Ци осталась довольна. Перед уходом она не преминула пригрозить Чжэн Шаофэну жизнью его птицы, чтобы он учился усерднее. Цзи Чжэн проводил её почти до ворот Сюанью, где они и попрощались.

На прощание у него снова зачесались руки, и он снова ущипнул Тянь Ци за щёку, а потом, решив, что этого мало, ухватился обеими руками и слегка потянул. Увидев покрасневшие щёки, он помог их растереть и, наконец, под ошарашенным взглядом Тянь Ци с сожалением опустил руки.

— Что это значит? — Тянь Ци прикрыла лицо, не понимая.

— У меня такая привычка, надеюсь, ты не против.

— Ладно, не против. — Тянь Ци было странно, но раз уж щёки не болят... Она решила, что князь не домогается её, ведь нормальный мужчина не стал бы домогаться евнуха, а если бы домогался, то не ограничился бы щипками за щёки.

Тянь Ци шла и обдумывала пути отхода. Она хотела как можно скорее покинуть дворец, но боялась действовать слишком поспешно, чтобы случайно не попасться на глаза императору и не превратиться в пепел. По словам Шэн Аньхуая, евнухам, служившим при особе императора, уйти сложнее — боятся, что они разболтают дворцовые тайны. Тянь Ци раньше не знала этого, а если бы знала... что ж, всё равно выбора не было, её лично выбрал император.

Как бы то ни было, нужно найти безупречный план.

От ворот Сюанью до дворца Цяньцин нужно было пройти через императорский сад. Проходя мимо, она услышала перешёптывание слуг и замерла в ужасе.

У наложницы Вань-пинь случился выкидыш?!

И это дело рук евнуха Тянь?

Тянь Ци не решилась возвращаться во дворец Цяньцин. Она хотела бежать к воротам Сюанью, но обнаружила, что уже сдала пропуск. В панике она не знала, что делать, как вдруг увидела евнухов из дворца Цяньцин, идущих за ней.

Едва они остановились, как подоспела другая группа — из дворца Цынин, намереваясь забрать её себе.

Хотя власть императора была выше, вдовствующая императрица была его родной матерью, поэтому обе группы евнухов, не желая уступать, начали спорить. Не имея возможности применить силу, они повернулись к Тянь Ци, предлагая ей самой выбрать, с кем идти.

Тянь Ци: «...»

Интуитивно она почувствовала, что император не стал бы её оговаривать, поэтому, естественно, решила вернуться во дворец Цяньцин.

Тянь Ци вернулась во дворец Цяньцин, когда Цзи Хэн уже ушел. Он отправился во дворец Цынин, где остался на ужин, а после трапезы не спешил уходить, решив задержаться и побеседовать с вдовствующей императрицей.

Евнухи из дворца Цынин не успели схватить Тянь Ци — их опередили люди из Цяньцина. Вернувшись, они хотели доложить об этом, но, увидев императора, побоялись говорить при нем и лишь шепнули обо всем личной служанке вдовствующей императрицы.

Однако их действия не были достаточно осмотрительными, и Цзи Хэн заметил перешептывания. Как только служанка вошла, он спросил:

— О чем это вы там шепчетесь? Что за дела пытаетесь скрыть от своего господина?

Служанка подумала, что раз Тянь Ци нужен вдовствующей императрице, то будет лучше, если она сейчас обо всем расскажет — тогда императрица сможет воспользоваться моментом и потребовать его себе. Император наверняка не откажет матери. И она ответила:

— Тянь Ци вернулся. Он заявил, что служит во дворце Цяньцин, поэтому у евнухов дворца Цынин нет права его задерживать, после чего самовольно ушел обратно.

Вдовствующая императрица нахмурилась:

— Какой дерзкий слуга.

Цзи Хэн отставил чашку с чаем и невозмутимо произнес:

— Матушка, хотя Тянь Ци и ведет себя порой строптиво, сердце у него доброе. Думаю, к делу Вань-пинь он не причастен.

Услышав это, императрица осталась недовольна:

— Как ты можешь защищать такого слугу? Мой Жуи часто с ним играет, еще не хватало, чтобы он испортил ребенка.

— Я не защищаю его. Я потерял своего ребенка, и мне тоже больно. Именно поэтому дело должно быть расследовано до конца. Кто-то решил воспользоваться суматохой и водит меня за нос — это преступление, не заслуживающее прощения. Как только я поймаю настоящего преступника, я не проявлю снисхождения.

Вдовствующей императрице пришлось ответить:

— Раз так, мне нечего добавить. Но дело провернули очень чисто, не факт, что удастся докопаться до истины.

— Матушка, будьте спокойны. Все слуги в павильоне Банановых листьев были заменены мной. Тот, кто это устроил, думает, что подкупил пару человек, но не знает, что остальные — мои глаза и уши. Я обязательно найду виновного.

Императрица промолчала.

Цзи Хэн посидел еще немного и откланялся. Едва он ушел, из-за ширмы выскользнула фигура и, пошатываясь, упала на колени перед вдовствующей императрицей:

— Тетушка, спасите меня!

На коленях стояла не кто иная, как Кон-фэй.

Вдовствующая императрица посмотрела на нее и с тяжелым вздохом покачала головой:

— Ты слишком смела! Как у тебя только рука поднялась?

Кон-фэй разрыдалась:

— У нас с ней были разногласия, мы никогда не ладили. А теперь она забеременела... Если бы она родила принца и стала императрицей, мне бы не нашлось места во дворце. Я совершила это в порыве гнева, думая, что смогу свалить вину на какого-нибудь слугу. Кто же знал, что император будет так рьяно защищать этого мальчишку и арестует мою служанку... Тетушка...

Вдовствующая императрица тоже была разгневана:

— Ты погубила моего родного внука! Как ты хочешь, чтобы я тебе помогла?

— Тетушка, прошу, не гневайтесь. Я сделала это и ради вас тоже. Вань-пинь тесно связана с семьей Сунь. Если она родит принца и станет императрицей, что тогда будет с Жуи?

Эти слова всколыхнули в душе императрицы самые тяжелые воспоминания. Она на мгновение задумалась, ее глаза покраснели:

— Не прикрывайся мной, пытаясь оправдать свои злодеяния. Как бы я ни опасалась их, я никогда бы не пожелала смерти собственного внука.

Несмотря на эти слова, прежний гнев в ее голосе утих, сменившись горькой скорбью.

Кон-фэй плакала:

— Если вы не можете меня защитить, мне больше нечего сказать. Похоже, меня ждет участь Шуфэй. Я помню всю вашу доброту, но больше не смогу отплатить вам. Надеюсь лишь на то, что в следующей жизни смогу проявить к вам сыновнюю почтительность.

Вдовствующая императрица вздохнула, ее лицо выглядело усталым:

— Ладно, что сделано, то сделано. Мертвых не вернуть, нельзя губить еще одну жизнь. Не волнуйся, я поговорю с императором. Но запомни: я считаю, что ты не способна на великие дела. Вернись и хорошенько подумай над моими словами, а потом придешь с ответом. У меня есть только Хэн-эр, я отношусь к тебе как к родной дочери, и все, что я делаю — ради твоего же блага. Не разочаровывай меня.

— Буду следовать вашим наставлениям, — ответила Кон-фэй, вытирая слезы. — Вы относитесь ко мне как к дочери, и я надеюсь, что в этой жизни еще смогу назвать вас матушкой.

Вернувшись во дворец Цяньцин, Цзи Хэн вызвал Шэн Аньхуая:

— Ну что, та служанка заговорила?

— Да, государь. Все именно так, как вы и предполагали.

— Ясно.

Цзи Хэн почувствовал бессилие и разочарование. Когда вдовствующая императрица так поспешно пыталась убрать Тянь Ци, он сразу заподозрил неладное. Мать не могла желать смерти своему внуку, а значит, она пыталась выгородить кого-то, подставив Тянь Ци. А в гареме была лишь одна женщина, ради которой она могла на такое пойти — Кон-фэй.

Бедный Тянь Ци, его вечно используют как пушечное мясо.

При мысли о Тянь Ци сердце Цзи Хэна болезненно сжалось. Ну почему этот человек занимает все его мысли? Он ведь приказывал себе забыть его, убеждал, что выбросил из головы, но стоило лишь услышать это имя, как все самообладание рушилось.

Он пытался не думать о нем, но мысли возвращались с новой силой, вызывая зуд, онемение и боль в груди. Даже во сне он видел это лицо.

Цзи Хэн закрыл глаза и тяжело вздохнул. Как проснуться от этого кошмара? Маленький негодник, как же мне избавиться от тебя?

Шэн Аньхуай не знал, о чем думает император, но раз вина Тянь Ци была снята, он решил доложить о нем:

— Государь, Тянь Ци под стражей. Прикажете отпустить его?

В сознании Цзи Хэна прозвучало лишь имя Тянь Ци. Он горько усмехнулся и пробормотал:

— Тянь Ци, Тянь Ци... Я действительно больше не хочу его видеть.

Сердце Шэн Аньхуая пропустило удар — он воспринял это как прямой приказ.

— А как быть с Кон-фэй? — спросил он, видя, что император погружен в свои мысли. — И со служанкой, совершившей преступление? Жду вашего указания.

Цзи Хэн пришел в себя:

— Не спеши. Пусть пока побудут там, где есть. По закону за убийство наследника полагается смерть. Даже Шуфэй, которую любили больше, чем Кон-фэй, не избежала яда. Но у Кон-фэй есть заступница в лице вдовствующей императрицы. Если она начнет просить за нее, Цзи Хэну будет трудно быть непреклонным. В конце концов, это его мать, которая столько выстрадала ради него.

Хотя он не собирался наказывать их слишком сурово, дворцовые интриги вызывали у него лишь холод в душе. Дети простых людей растут в безопасности, а его собственные дети гибнут один за другим, не успев родиться. Он — правитель целой страны, перед которым склоняются миллионы, но не может защитить даже свою собственную кровь. Женщины в его гареме... одни используют детей как инструмент для борьбы за власть, другие безжалостно уничтожают их ради своих целей. Лица прекрасны, как цветы, но сердца — как у ядовитых змей.

От этих мыслей Цзи Хэн почувствовал небывалую усталость. Он подумал, что даже эти женщины не стоят и мизинца Тянь Ци, который был куда ближе и понятнее.

Опять Тянь Ци!

Подождите, Тянь Ци? Цзи Хэн внезапно вздрогнул. Неужели он только что отдал приказ о его

смерти?

Шэн Аньхуай вышел из покоев, качая головой. В его глазах Тянь Ци был редким, добрым и смысленным парнем, который никогда не проявлял высокомерия. И вот теперь такой хороший человек должен...

Шэн Аньхуай не знал, чем именно Тянь Ци прогневал императора, но слова о том, что видеть его больше не желают, были ясным намеком: жизнь Тянь Ци подошла к концу.

Взяв чашу с ядом и шелковый шнурок, он отправился к Тянь Ци.

— Это то, что могут позволить себе только господа, Тянь Ци. Большого я для тебя сделать не могу.

Тянь Ци была в ужасе:

— Дедушка Шэн, умоляю, скажите императору, что я невиновна! Он поверит, он обязательно поверит! Дайте мне три дня... нет, один день, и я найду настоящего убийцу! Маленький принц не должен был умереть напрасно!

Шэн Аньхуай вздохнул:

— Уже не нужно. Император знает всё.

Знает всё... и все равно приказал казнить ее. Тянь Ци почувствовала, как холод пронзил ее до костей. Охваченная разочарованием, она опустилась на пол:

— Конечно. Моя жизнь ничего не стоит, я — идеальный козел отпущения.

— Тянь Ци, не держи зла на государя. Наша доля тяжела. В следующей жизни родись в хорошей семье и ни за что не становись евнухом.

Тянь Ци кивнула:

— Спасибо за заботу, дедушка Шэн. Все мои деньги спрятаны в тайнике под кроватью, у стены. Передайте половину моему учителю, а вторую — Ван Мэну из Управления вин, уксуса и лапши. Скажите, чтобы не вспоминали обо мне. И если принц Жуи спросит, скажите, что я отправилась на гору Хуаго, ждать его там. Мы договаривались, но он должен сначала вырасти.

Шэн Аньхуай пообещал исполнить просьбу и жестом подозвал помощников:

— Выбирай.

— Пусть будет шнурок. От яда живот болит. А балка здесь слишком высоко... помогите мне.

Евнухи накиннули шнурок на шею Тянь Ци и потянули.

Даже в этот момент Тянь Ци не теряла надежды на спасение. Она уже однажды пережила удушье и знала, как это бывает. Как только ей стало тяжело дышать, она закрыла глаза и обмякла.

Евнухи были мастерами своего дела, но, увидев, как быстро она «умерла», засомневались. Один из них поднес палец к носу Тянь Ци — дыхания не было.

Тянь Ци сдерживала дыхание, молясь, чтобы они поскорее ушли. Она хорошо плавала и умела долго задерживать дыхание, но она не черепаха — долго так не продержаться.

Евнухи уже собирались уходить, как вдруг дверь с грохотом распахнулась. Ярко-желтая фигура ворвалась в комнату, словно вихрь.

Шэн Аньхуай поклялся бы, что никогда не видел человека, который бы бежал так быстро — а уж тем более императора. Лишь когда тот приблизился, он разглядел лицо.

Даже Тянь Ци, притворявшаяся мертвой, почувствовала порыв ветра. Она не понимала, что происходит, лишь твердила про себя: уходите, уходите быстрее!

Цзи Хэн, ворвавшись, одним ударом ноги отшвырнул обоих евнухов в сторону. Те, как мешки, с глухим стуком ударились о пол — Шэн Аньхуаю стало больно за них.

Тянь Ци почувствовала, как руки разжались. Она проигнорировала глухие звуки ударов, думая, что они ушли, но тут же оказалась в чьих-то объятиях.

Тянь Ци: «...» Почему они не уходят? Я больше не могу терпеть...

Цзи Хэн, видя, как Тянь Ци обмякла с закрытыми глазами, почувствовал, как сердце разрывается на части. Он отчаянно тряс ее:

— Тянь Ци, очнись!

Император лично пришел проверить исполнение приговора! Тянь Ци была в отчаянии, изо всех сил стараясь не вдохнуть. Неужели это действительно конец?

— Тянь Ци, не умирай, умоляю, не умирай! — Цзи Хэн гладил ее лицо, его голос дрожал от горя. — Я приказываю тебе: не смей умирать!

Тянь Ци подумала: неужели он издевается? Если хочет, чтобы я умерла, просто придушил бы до конца, зачем эти мольбы? И голос у него такой... будто он плачет.

Но сейчас это было неважно. Важно то, что она больше не могла держать дыхание.

Шэн Аньхуай стоял в стороне, ошеломленный. Что это значит? Неужели то, о чем он подумал? Это было слишком шокирующе!

Цзи Хэн внезапно вспомнил, как лекари говорили, что при удушье помогает искусственное дыхание. Не раздумывая, он обхватил подбородок Тянь Ци и прижался губами к ее губам, вдувая воздух.

Тянь Ци почувствовала, как ее рот насильно приоткрыли, и ощутила теплое, мягкое прикосновение. Она больше не могла терпеть и жадно вдохнула — пусть рот был занят, но нос еще работал.

Цзи Хэн ощутил ее дыхание, смешивающееся с его собственным, и его сердце, до этого сжатое в комок, внезапно оттаяло. Он не хотел отстраняться, продолжая целовать ее. Он понимал, что это неправильно, но не мог остановиться, прижимая ее голову к себе и закрывая глаза.

Тянь Ци открыла глаза и увидела лицо Цзи Хэна совсем рядом. Из-за близости оно казалось размытым, словно в забытьи.

Тянь Ци: «...» События развивались слишком быстро, ей нужно успокоиться.

Шэн Аньхуай был онемел. Все было именно так, как он подумал! Император — настоящий извращенец!

В его голове царил хаос, он чувствовал себя так, будто это его самого только что поцеловали. Он хотел немедленно исчезнуть, пока его не заметили, но один из евнухов на полу начал шевелиться. Шэн Аньхуай, окончательно растерявшись, рявкнул:

— Закройте глаза!

Тянь Ци в испуге послушно зажмурилась. Это просто кошмар! Что вообще происходит?!

Цзи Хэн от этого крика пришел в себя. Он отстранился, невольно облизнув губы. Поцелуй длился недолго, он не успел углубиться... Подождите, о чем он думает? Цзи Хэн смущенно отвернулся. Видя лежащих на полу евнухов и ошеломленного Шэн Аньхуая, чье лицо выражало смесь ужаса и мольбы «государь, я ничего не видел, не убивайте меня», он почувствовал себя еще более неловко.

Тянь Ци закашлялась, покраснела и вытерла рот:

— Государь, вы... вы... Зачем вы меня поцеловали?

Цзи Хэн, зная, о чем тот спросит, нахмурился:

— Я просто делал тебе искусственное дыхание. Не воображай лишнего.

— Нет, я не то имел в виду... — Тянь Ци потерла губы, они болели от укуса. — Благодарю за спасение, но это дыхание было таким странным... скорее похоже на поцелуй...

Шэн Аньхуай мечтал, чтобы у него заложило уши.

Цзи Хэн, чувствуя себя виноватым, встал и, заложив руки за спину, холодно бросил:

— Неблагодарный.

— Я не это имел в виду, — оправдывалась Тянь Ци. — Просто... Государь, у меня есть просьба.

— Говори.

— Может, вы больше не будете меня убивать? Видите, уже дважды пытались, а я все жива. Это значит, что мне суждено жить, а вы — великий милосердный правитель. Что бы вы ни хотели, чтобы я сделала — просто прикажите. Только не играйте со мной, как кошка с мышкой, у меня сердце не выдержит.

— Я не буду тебя убивать.

— Ваше слово — закон, государь. Вы не можете его нарушить. Даже если это ваше собственное слово.

Цзи Хэн хмыкнул и, не отвечая, поспешно вышел. Шэн Аньхуай поспешил следом, на пороге бросив на Тянь Ци сочувственный взгляд.

Тянь Ци, все еще ничего не понимая, улыбнулась и сложила руки в благодарственном жесте.

От этого места до рабочего кабинета было всего сто шагов, и за это время император трижды коснулся своих губ. Шэн Аньхуай делал вид, что ничего не замечает, молча ведя счет.

Наступила ночь. Тянь Ци избавилась от своего главного страха: император обещал не убивать ее, а значит, теперь она может спать спокойно.

Однако в эту ночь многие в Запретном городе потеряли сон: вдовствующая императрица, наложница, император и главный евнух.